

Всероссийский центр изучения общественного мнения «ВЦИОМ»

Заседание Научного совета ВЦИОМ по теме: «Прав не тот, кто прав, а у кого больше прав» - социальные неравенства современной России в экономическом, правовом, политическом измерениях, состоялось в рамках Восьмого всероссийского конгресса политологов.

Стенограмма заседания.

Ведущий: Добрый день, коллеги. Давайте будем придерживаться регламента, будем максимально дисциплинированы. Сегодня у нас формат называется «Выездное заседание научного совета ВЦИОМ». Обычно происходит это мероприятие в стенах самого ВЦИОМа, который на данный момент переезжает из одного здания в другое. Мы просто с Юлей попросили коллег упаковать наши вещи и пришли сюда. Но это мероприятие было запланировано довольно давно, уже, наверное, месяца три назад мы получили согласие наших спикеров на выступление, поэтому за этот период могли появиться и новые идеи, да, с которыми мы, с удовольствием, все познакомимся. Прежде, чем предоставить слово докладчикам, я должен выполнить миссию нашу внутреннюю, да, у нас вышла книжка, книжка авторов, называется «Выборы на фоне Крыма» эта вовсе не книжка, а такой увесистый том, один из авторов – Юлия Баскакова находится здесь, она расскажет вам о неравенстве, о несправедливости в нашем обществе. А пройдусь по краткой презентации, она будет совсем небольшая, рекламная – коллективная монография ВЦИОМ: «Анализ эволюции политического поведения наших сограждан в эпоху пост Крыма, когда проходили большие, серьезные, самые важные в жизни нашей страны – выборы 2016-й, 2018-й годы, так как наш центр непосредственно вовлечен в электоральные исследования на самом разном уровне, то мы рассматривали свою миссию именно как доведение этого знания, доведение понимания о том, как вообще мы выбирали в этот период наших политических лидеров. Авторский состав – семеро наших коллег, большинство из них работает во ВЦИОМ, пригласили мы так же из Института социологии нашего давнего соратника Леонтия Вызова и из РАНХиГС к нам присоединился Олег Чернозуб, руководил авторским коллективом Валерий Федоров, он же главный редактор книги, и Юлия Михайловна как политолог, как руководитель проектов тоже принимала участие. Других коллег вы тоже, наверное, знаете, представлять их отдельно не буду. Для кого эта монография. Так как здесь собрался весь цвет политологический экспертный и так далее, то я, конечно, адресую и скажу точно, что эта книга посвящена вам для того, чтобы показать то, как с социологической точки зрения можно трактовать те вещи, которые происходили в нашей политике в эти интересные довольно-таки насыщенные события годы 2016-2018-е. Но мы еще адресуем эту книгу присутствующим, конечно, здесь преподавателям, студентам, аспирантам, потому что в книге есть очень интересный материал о том, как вообще проводить электоральные исследования и более того, как прогнозировать результаты выборов. У нас в ходе последнего цикла применялось... Юля, подскажи, пожалуйста, пять или шесть методов параллельно применяли, да.

Баскакова Ю.: По-моему, больше.

Ведущий: Может, и больше, да, но все это узнаете из книги. Книга состоит из трех частей. Первая часть политическая социология российских выборов. Почему мы голосовали так, а не иначе. Здесь интерпретация, то есть приведены расчеты ключевых политических событий, измерения, количественные измерения, качественные измерения, какие подводные мины ожидали кандидатов, то есть вся событийная часть российских выборов здесь была представлена. Вторая часть методологическая, она же такая больше учебная, наверное, то есть мы здесь показываем, как решали мы методологические вопросы. Ставились серьезные задачи, мы искали решения, где-то успешные, где-то менее успешные, но все мы тут представили. Кроме раздела Юлии, которая представляет классический подход к электоральному прогнозированию, здесь представлен альтернативный подход прогнозирования электорального поведения, мы поднимаемся, кто-то считает, что спускаемся, на уровень эмоций, изучаем эмоции, как они влияют на политическое поведение. Третья часть – политическая культурология, как мы будем жить до 2024-ого года, как будут разворачиваться политические события в период нового 2024-ого года, в каких условиях будут происходить основные политические события. Эмпирическая база, здесь она представила те традиционные источники исследования ВЦИОМ, мы привлекали и исследования наших коллег. Эмпирическая база широкая, да, то есть можно на эту базу ссылаться, если чего-то не обнаружили, чего-то не хватает, всегда есть возможность к нам обратиться, спросить, мы, с удовольствием, ей поделимся. И представленный перед вами круглый стол 14 экспертов добавили, прибавили довольно-таки серьезные знания по поводу политических событий, поделились своим опытом, представили свое видение прошедших выборов и предстоящих выборов. Покупаем книжку на Озоне, она уже размещена, в электронном виде ее можно купить уже сегодня, в бумажном со следующей недели мы уже сможем ее приобретать на Озоне, но скоро появится и на полках других книжных магазинов Москвы и крупных городов. Это про нашу книгу, я свою миссию по поводу книжки выполнил, теперь мы переходим, соответственно, к нашей теме. Прежде всего, конечно, наши организационные вещи, элементарные вещи – просьба, отключить звуковые сигналы мобильных телефонов. Работаем по двум форматам в оффлайне, присутствующие здесь, и в онлайн, да, то есть стоит камера, она все записывает, и даже более широкая у нас сегодня собралась аудитория. Тема сегодняшнего нашего заседания звучит «Прав тот, кто прав, у кого больше прав. Социальное неравенство в современной России в трех измерениях – экономическом, правовом и политическом». Все мы интересуемся живо проблемой неравенства в том или ином аспекте, но обыденное сознание, оно всегда приводит нас к экономическим объяснениям, я думаю, что и профессиональное сознание должно приводить к экономическим объяснениям. Когда мы сталкиваемся с неравенством, мы интерпретируем его как неравенство материальное, в первую очередь, во-вторую очередь, как символическое неравенство. Как происходит, как складывается соотношение, является ли экономическое неравенство фактором социального неравенства. Второй пункт, на котором я хотел бы заострить внимание – неравенство – это та сфера, где вообще, в принципе, возможно применить какое-то управленческое действие, да, то есть механизмы известны, хорошо известны, то есть, есть правовые инструменты влияния, есть экономические инструменты влияния, есть информационные инструменты влияния на проблемы неравенства. Третье, я хотел бы обратить внимание и, я думаю, что одним из итогов нашей дискуссии станет: нужно ли вообще бороться с неравенством. Если бороться, то, как, срезать верхний слой и бороться с богатством или

бороться с бедностью, если это делать, то как. Я передаю тогда слово нашему спикеру – Леониду Марковичу Григорьеву доктор экономических наук, профессору.

Григорьев Л.М.: Добрый день. Я тогда сниму пиджак. Неравенство без пиджаков выглядит более презентабельно. Значит, сегодня я буду делать... (отвлекся на микрофон) Мне нужны свободные руки, чтобы с неравенством бороться. Значит, я сейчас запущу свой таймер для очистки совести, но, а там, как получится, я постараюсь уложиться в разумное время, которое мне отвели политологи. Я очень благодарен, что они меня пригласили быть в политологическом совете, но здесь несколько экономическая. Как выглядит презентация. У меня эти вопросы, которые они поставили, буду отвечать, у меня есть четыре вербальных слайда, которые у меня проходят под разделом: Вербальные браки, а между ними стоит много, много разных таблиц. Их убрать тяжело, экономистам они сразу понятны, политологам не очень, но я их сделал как справочник, если она останется, при желании, ее просто берете и потом проверяете. Общая идея состоит в том, что у нас в экономике нет больших проблем с неравенством, мы знаем это, у нас как-то это устоялось, у нас нет такой проблемы, что проблема неравенства или восприятия... Мы там спорим о деталях, но, в принципе, известно, как мерить его, какое оно, что оно, существует много работ и пока мы там... эти вопросы мы видели у вас. Я пока покажу, что мы на эту тему публиковали. Это все есть, а я не поставил свой сайт, у меня есть сайт Леонид Григорьев.com, Григорьев, там сначала i, потому у на мягком знаке, это все есть там или есть это все на моих сайтах в Вышке и так далее, то есть это все, в общем, доступно и мы аккуратненько все это расписали. Что я сегодня покажу: группу таблиц амнистия России и Мировое видение, что такое неравенство, там несколько идей важных, где мы социальное децильное неравенство. Я ничего не буду показывать про (неразборчиво 12,10), я считаю, что есть специальные доказательства, кому интересно, найдет, что джиния12,20 всем хорош, кроме социального неравенства. Вот мы будем говорить сегодня про социальное неравенство. Третье – региональное неравенство у нас. Забегая вперед для тех, чтобы вообще можно было не слушать, общая идея, следующая: обсчитано 174 страны мира с 1992-ого по 2016-й год. За четверть века не сработала теорема Саймона Кузнеця, вряд ли она на уровне реальных фактов не идет конвергенция стран внутри себя. То есть не сближаются страны. И расстояния, если сделать, мы сделали семь кластеров, расстояния между кластерами в 2016-ом году больше, чем в 1992-ом, то есть идет такое разбегание. Россия сидит во втором кластере, в приличном месте, но это все ФППС. Второе – про неравенство внутреннее. Фундаментальных действий нет зонтика кузнеця, вообще нет просто физически, он не прорезается вообще никак. То есть с экономическим ростом не снижается неравенство, там нет этого – сначала растет, потом падает, Ленин13,30 ошибся. Есть детально, есть слайды, где это все приведено, сказано, где написано подробно, но это просто для понимания. То есть, как только где-то в стране формируется весь комплекс институтов, включая общественные, налоговые и прочие системы, в этот момент формируется определенный тип неравенства европейский, англосаксонский тип, после чего оно более-менее стоит на месте. За последние четверть века оно тоже почти не менялось. То есть первое – разбегаются, второе... Вместе они составляют десятую цель ООН, цель устойчивого развития ООН, причем, безнадежно, эти цели никогда не будут выполнены в обычных обстоятельствах. И третье – наши региональные, внутренние дела, все, что у нас есть из неравенства, все сформировалось к 2000-ому году и с тех пор не меняется. Все, то есть, строго говоря, я уже все рассказал. Теперь детали. Значит, место, вот социальные риски существующих неравенств. Значит,

Россия по паритетах в районе 25 тысяч по подсчетам паритета 2011-ого года, но сейчас вы увидите кластеры, если в первом кластере развитые страны, в этом втором кластере Италия, Испания, Польша и мы там с ним, то есть это не самое плохое место. Но существует огромный разрыв по множеству показателей и прочее между первым и вторым кластером. То есть это не то, что второй – это фан-клуб первого, это огромная дистанция между первым и вторым в среднем, во всяком случае. Само по себе мировое наше положение в мире – это мы снабжаем мир мозгами, значит, нефтью и мозгами. Все, так сказать, тут все это знают, ничего мы с этим пока не придумали, что делать и нас обескровила гораздо больше утечка мозгов, чем нефть. Нефть, в конце концов, добудем. И деньги, естественно, уходят, то есть мы экспортируем нефть, потом деньги от нее, потом детей к этим деньгам. Поэтому проблема положения страны в мире – это вопрос не в том, держим мы тот или иной капитал, ту или иную цену на нефть, это вопрос – удерживаем ли мы все это в комплексе. Значит, нобелевские лауреаты и проблемы с ними. Значит, (неразборчиво 15,50) полагал, это всемирная статья 56-ого года, потом он получил Нобелевскую, грубо говоря, за сумму идей. Он полагал, что переход труда, капитала труда будет сближать страны – это не социализм и капитализм, это внутри рыночного хозяйства, то есть на факте, фактически этого не происходит, мы плюнули на послевоенный период, вся сверхмощная эконометрика, все считают, считают, никак выдавить этот эффект эконометрический, не справились, есть вот такая литература, нет его. Мы посчитали последние четверть века более аккуратно и если посмотреть наши статьи, есть статья про это, это седьмой номер, вопрос никогда не будет лишней, мы ее перевели, что касается неравенства внутри стран, значит, Саймон Кузнец, мы покажем вам, он попал в ловушку, дал данные на 50-й год и попался, потому что идея была, что все растет сначала, потом падает. С 50-ого года ничего не изменилось и не увеличилось. А там, где снизилось, не потому что, кто-то показал. То есть, к сожалению, два самых гениальных человека нобелевских лауреата... они были молодые ребята, Карл Маркс написал коммунистический манифест, и они подумали, что после войны все будет хорошо, у нас как раз этого не было. Они понадеялись, а этого не произошло. Поэтому первое, что мы забыли про иллюзии, вот так рос мир с 95-ого года и здесь существенное это аккуратное представление мира, это Китай империя, США отдельно и развитые отдельно, развивающиеся отдельно. Видите, очень гладкая ситуация, уровни разные, рисунки схожи. Важно то, что все разговоры о том, какой этот мир, куда, чего, граждане, фильтруйте базар, это все вранье, всякий человек, который вам пытается сказать, что в сентябре такого-то года что-то больше, чем в сентябре предыдущего года, он сознательно или бессознательно врет, (по-английски 17,58) сознательно. Не существует никаких месяц к месяцу, это остатки нам в конъюнктуре. Длинные тренды выглядят, примерно, вот так. Как мы подошли к кризису, как украли, так вышли. То же самое происходит перестройка в мире по объемам ВВП, значит, на самом деле гораздо больше вес развивающихся по капиталовложениям. По ВВП еще надо посмотреть, а по капиталовложениям развивающиеся обогнали. На прошлый год в обычных долларах на 17 тысяч капиталовложения в Китае, примерно, процентов на, сколько там, 5,5 к 4 где-то процентов на 30 больше, чем в США, то есть развивающийся мир, прежде всего, США и такие страны, они уходят. Вот так выглядит весь... это аккуратное представление мира за эти четыре года во всех возможных измерениях валют. Я понимаю, что выпиваешь с людьми за вечер с политологами, потом что-то им рассказываешь, они говорят: «Лень, ну, перестань трепаться», дай нам какую-нибудь одну величину и мы все будем ей мерить –

этого невозможно, нельзя. В одних случаях мерить обычными долларами, в других... Понимаете, это таблица для сравнения. Если у вас есть сомнения, что как мерить, поглядите сюда и это для вас просто как, это самое, лакмусовая бумажка. Мы сделали семь кластеров. Это аккуратно делается максимум расстояния между семью кластерами на 92-й год, потом мы их обсчитали, вот их границы. Границы, верхняя границы верхнего кластера в 2016-ом 35 тысяч долларов, нижняя граница, соответственно, это нижняя, нижняя граница второго кластера, где у нас там, где-то 20 с чем-то. Мы попадаем с 25 во второй кластер. На всякий случай обсчитаны все вариации, все можно проверить. Все, что здесь показано отрывочно в таблице, опубликовано подробно с исходной статистикой, то есть не надейтесь сейчас у себя в голове подумать, что вот он треплется, как все эти экономисты, а потом ни хрена не проверишь. Все можно проверить, не надейтесь. Знаем мы вас скептиков. Вот там это все кластеры, как они есть. Посмотрите просто сюда, вот для простоты первый богатый кластер 41,7 и 3,12 – для простоты разница 30 тысяч долларов. Перешли в 2016-й год, что же изменилось. 1 – 64, 3 кластер – 17 – 37 тысяч долларов. Вот эти кластеры понемножечку раздвигаются. То есть, когда мы говорим о мировом неравенстве и месте России, то мы сидим вот здесь во втором кластере – это среднее, мы сидим на нижней границе и они, и мы не приближаемся к первому кластеру, мы где-то во втором. Задача на жизнь это было, естественно, в 90-х ниже. Вот это наше место и, соответственно, все параметры, которые к нам привиты, они все около этого второго кластера. Сейчас покажем кое-что. Что, давайте для простоты, посмотрите индекс демократии, он просто выстроился, естественно, там сидят арабы, из демократии их выкинули. Вот это все, вот оно (неразборчиво 21,35) разное, расходы на НИОКР второй квартал ниже, население к Интернету ниже, продолжительность жизни, на самом деле хорошо видно. Мы посчитали суициды, там что-то, обсчитывали всю ...всю социально-психологическую, пьянство, самый высокий уровень убийств на душу населения в четвертом кластере, самый высокий уровень самоубийств во втором. В первом кластере вообще перестают друг друга убивать, это даже как-то неприятно выглядит, контраст тяжелый, я бы сказал, то есть там, типа, 4,5 во втором, а в первом 1,3. Такое впечатление, что в первом кластере не люди живут, а какие-то птицы божьи. То же самое, посмотрите отдых и развлечения, вот аккуратно все это выстраивается. Почти все показатели, значит, это тут у меня есть свой конкурент, естественно, все пользуются классификацией **Вмирбанка**, она все-таки сделана с наложением частично холерного барака на свинку и морда на дантистов, так сказать, вот это более аккуратно, можно не пользоваться это дело добровольное. Виды неравенств. Значит, я никак не интерпретирую. Во-первых, восприятие неравенства и реальное неравенство – это огромная разница. Есть замечательная статья Рейзмана, которые пытались доказать, что приватизация хорошая, если не знать, что она плохая. То есть тебе не сказать, ты и не знаешь. Ничего подобного, конечно, ничего подобного, конечно, люди все прекрасно понимают по всем показателям. Другое дело, как их спрашивают, кто, при каких обстоятельствах, что они думают. Все опросы по приватизации в Латинской Америке после больших приватизаций 90-00-х годов, все показатели отрицательное отношение к приватизации с шагов в два года в массе и богатых, и бедных одновременно, чем-то были и те, и те недовольны. Поэтому, значит, возвращаясь к нам, положение страны в будущем, конечно, в значительной мере будет определяться санкциями и это уже как бы не ко мне, но надо, я еще раз повторю, покажу параметры, наша социальная лестница вся сформировалась в 90-е, значит, есть... И, кстати, о бедности, Бранко Миланович, который очень популярен, в

98-ом году опубликовал книжку В мирбанке, показал, что между 89-ым и 94-ым годом у нас неравенство, бедность по тогдашним параметрам выросла до 50% 73 миллиона человек. И вот мы идем по бедности от 50 миллионов вниз, дошли до восьми, до десяти, потом подскочили, сейчас 115, дружно к 24-ому году понизим вдвое, но это уже к ВЦИОМу. Индивидуальные лифты - нашего неравенство такое же, как латиноамериканское или англо-саксонское, но у нас застойные лифты вертикальные, как в Латинской Америке, а не англо-саксонские, где высокое неравенство компенсируется возможностью сделать карьеру при жизни. Поэтому, поскольку у нас из Европы, в отличие от Польши соседей, выбросило не в Европу при реформах, а мы вылетели в Латинскую Америку, то теперь мы должны медленно добраться к северной Америке к англичанам, потом от них в Англию. Сначала к американцам, потом от них в Англию и оттуда переползти в Европу. То есть если мы хотим что-то, типа, европейского неравенства, придется делать аккой круг, потому что напрямую это невозможно. Европейский антикоммунистический социализм формировался совершенно в других условиях, при других... при других ВВП на душу, с нашим ВВП туда не перескакиваешь. Ну, и главное, сформировался в лифтах, что лучше быть бюрократом, чем предпринимателем или ученым, ну, или ученым за границей, за границей лучше, но тогда там. Вот это одна из проблем в нашей ситуации, и мы тут пока тоже ничего не можем сделать. Фокус, показываю ситуацию специально на Кузнецце. Смотрите, он показал, что пятый, пятый в Индии очень высокий, а в США, у англичан поменьше, но вот у него была идея, это 55-ого года, а там 50-ого. Написал, что рост будет падать и уже хотя все его обожают, хорошие мастера пишут, но вы знаете, все-таки у него не было к этому никаких оснований, все, что у него было – падение неравенства во время войн великой депрессии в одной стране – США. Это не развивающаяся страна, это первый год независимости, это неравенство колониальной страны, там еще сидят белые, но они потом, естественно, съехали, но это никуда вообще не сдвинулось. А ключевые графики по неравенству я просто покажу, чтобы вы поняли, какой каторжный труд приходится делать. Значит, это 106 стран, это доли десятого дециля в доходах страны – стандартный показатель, вот они как идут. То есть выглядит как будто снижается, так он не снизился, собственно, с 92-ого года, эта картина практически 16-х годов, она почти не отличается от того, что было последнюю четверть века. Вот так же, например, здесь, здесь у богатых, где повыше – англосаксы, где пониже – там европейцы. Самые ровные страны в мире - это Словения и Дания. В Словении не было ВВП в 90-х. А вот это очень хитрая вещь, мы пересчитали, вот поделили ВВП, распределили его по децилям пропорционально доходу. Если убрать этот номер, это будет точно такая же штука, но, поскольку, курсы валют, в отличие от ППС очень плохенький, то это будет просто прижато сюда, будет точно такая же вещь, вот так выглядит доля, так выглядит размер, некоторый нормированный размер дохода десятого дециля в мире сейчас на ушу, на душу фактически на десятую дециля вот он так выглядит, так Люксембург. Черт с ним, с Люксембургом, а вообще в развитых странах десятые децили, если считать ВВП на душу, то это вот стоит больше. Вот такова картина на самом деле неравенства в мире сейчас. Повторяю, убирая фокус с пересчетом ВВП, вы получите точно такую же, только она будет сюда прижата, потому что в развивающихся странах курс валют плохой, так просто кучкой будут здесь. Дальше к нам...

Ведущий: Леонид Маркович, три минуты.

Григорьев Л.М.: Отлично. Да, да. Очень хорошо. Это наша демография, напомним, вот сейчас поступили с 2000-ого года... вот это расклад по заработной плате, она не меняется, практически десятая группа, девятый – вот она. Все прикладные политические вещи понятны, потому что там вообще просто разный, как говорится, ниже этого уровня разные разговоры о жизни: одним выжить, другим купить, другим то, другим се, это просто разные люди в таком конкретном положении. То есть, если мы не нормируем или нормируем по зарплате или по доходам, вот это неравенство, про которое я говорил, собственно, это главный график. Значит, 2000-й год по 2017-й вот в нашей статистике ничего в ней нет хитрого, мы ничего не пересчитывали сами, все, вот он стоит и все и никуда не двигается, но он стоит так же, как во всем мире. Рынок не вырабатывает снижения неравенства сам. А если оставить в стороне войну, чуму, холеру, депрессии какие-то, не гуманитарные методы снижения. (звонки раздались) Вот это мои 20 минут. У меня совсем чуть-чуть. Если не применять смертоубийство метод, то, в принципе, за длительные периоды процветания неравенство должно расти, в принципе, просто нормально расти. В кризисы в циклические чуть-чуть снижается, потому что прибыль падает больше, чем доход, все, там больше ничего нет. Все, что нам рассказывают, это все лирика. В нормальной экономике ничего больше нет и все разговоры про управление неравенством сводятся только к двум вещам, вы не прибавляйте терминов, вот есть неравенство по доходам бесхозное, производительность труда, доходы и так далее, а есть неравенство по потреблению, то есть после перераспределения доходов. Вот когда вы боретесь с бедностью вручную, вы боретесь за счет перераспределения. В России не было кризиса в слабых регионах и в России идет существенное перераспределение доходов бедным. То, что не хватает бедным, чтобы перестать быть бедным – это другой вопрос, это зависит от нефтяной ренты и других вещей, но это перераспределение. И вот европейское распределение не выдержало, как вы знаете, пенсионные реформы тоже пошли. А в России это стоит. Что мы делаем с неравенством по доходам, по производству, по зарплате, реальные деньги. Потому что имея наше образование, наши условия страны, мы сидим в этом американском неравенстве. Над нами по неравенству две страны по-настоящему это Бразилия, Бразилия, Боливия, ЮАР чемпион мира, у них на пятый дециль приходится 60% дохода, 10% населения белых, то есть получают 62%. И Китай по последним данным вышел туда же, они на большом росте все равно создали колоссальное неравенство, ничего не получилось. То есть они создали неравенство, но просто, поскольку, быстро росли, они вытянули низы, и никто пока не жалуется. Социология, политология, вот один есть слайд и это региональные проблемы. Значит, у нас есть своя классификация регионов, но это наш бум товаров длительного пользования перед кризисом последним, который прозевала пропаганда. Мы перенесли этот кризис, потому что мы там купили чертову прорву всего. Жилье, посмотрите, индивидуальное жилье вылетело вверх, треть жилья, которая сейчас есть в стране, построена в 21 веке, при всем при этих событиях. Есть колоссальные успехи, которые полностью проигнорированы пропагандой, они просто не видят никаких экономических величин от сентября до сентября, от пресс-конференции до пресс-конференции. И, значит, квартиры многоквартирные до того, как началась рента, росли, дошли до 67 метров в начале 2000-х, когда пришла рента, квартиры многоквартирные упали сейчас до 55-53-х новые вводимые, а индивидуальные дома у нас по среднему региональному 150 метров. Причем, строят не в Москве, а вокруг Калуга, Орел, не в Питере, а Новгород, Псков, не в Самаре, а в Саратове. Поэтому там идут процессы, которые никто не видит. 24 миллиона дач на 40 миллионов городских квартир

20 миллионов дач. Если Собянин скажет нам съехать из города на неделю, чтобы он смог переложить всю плитку, мы съедем, в городе никого не будет и не будет... еще пустые койки останутся на даче, и водку не успеем выпить, потому что затарили на месяц, а за неделю не выпьем. Это другая сторона, у меня все время такое ощущение, что мы исследуем какую-то, какое-то среднее, когда я читаю политологические вещи, среднюю какую-то небогатую европейскую страну без вот этой всей специфики. И последнее, вот пятый... вот затраты на ЖКХ, затраты на образование. Эта статистика существует, посмотрите на нее, сравните с опросами. Выход из неравенства реально нет обычным порядком, революция не подходит. Одно из вещей, которая сейчас на западе появилась, обеспечить равенство детям на воспитание, прокормление, образование с тем, чтобы следующее поколение через Мендельсона, через нормальный рынок труда. И что там еще есть. Вот, пожалуйста, по кварталам, пожалуйста, хотите, по округам, хотите по типу регионы все абсолютно сделана матрица, где регион отнесен к федеральному или какому-то типу, они абсолютно все стоят, не меняются практически с 2000-ого года. Это необычайно устойчивые структуры. И если вы сравните регионы внутри, они вообще похожи. Если вы сравните Тыву с Ленинградом, то будет как Бангладеш с Германией и не удивляйтесь. Что там еще, региональная структура промышленности, розничные продажи на душу такие, сякие, мы все это обсчитали, все это висит. Прежде, чем спрашивать, поднимитесь сюда, может, вам захочется построить вопросы таким образом, а потом пронормировать в каком типе и при каком уровне они что отвечают. Извините, съел 5 минут.

Ведущий: Спасибо большое, Леонид Маркович. Всех интересует этот вопрос. Давайте вы скажете на словах или на доске напишите.

Григорьев Л.М.: Давайте напишу. (пишет название сайта)

Ведущий: Мы не хотели бы путать ход мыслей Леонида Марковича, но регламент позволяет нам сейчас только выслушать второго спикера, потом уже перейти к вопросам. Готовьте вопросы. Если кто хочет выступить с репликой по поводу докладов, то пишите на листочках, отдавайте мне, я буду зачитывать и приглашать вас к выступлению. Договорились? Да, Юлия Баскакова руководитель практики социального моделирования и прогнозирования ВЦИОМ, кандидат политических наук.

Баскакова Ю.: Уважаемые коллеги, добрый день. Леонид Маркович успешно, ярко показал, что неравенство у нас есть, оно здорово выражено. Мой вопрос будет звучать по-другому: Почему это проблема? По-моему, два года назад был конгресс Всемирной ассоциации, Всемирный конгресс ассоциации политологов, он как раз назывался неравенство, тогда было пленарное заседание и там маститые экономисты, исследователи, политологи показывали подобные же графики, которые иллюстрировали две вещи. Во-первых, неравенство очень сильно выражено по странам мира. А, во-вторых, когда есть неравенство в стране – это плохо. И там были такие двумерные диаграммки, чем ниже неравенство, тем выше уровень счастья, чем ниже неравенство, тем ниже уровень заболеваемости, тем выше уровень национального здоровья. Много таких замечательных позитивных графиков. Посидев, посмотрев эту диаграммку, я ушла отсюда с полным ощущением, что когда-нибудь мы будем жить в счастливом мире и в этом мире, наверное, неравенства будет меньше, чем сейчас. Но, а все-таки, если пытаться смотреть на эту проблему в рамках одной страны, то картинка вырисовывается, картинка вырисовывается чуть-чуть менее однозначно. Да, в стране неравенство есть, но для того,

чтобы зафиксировать это неравенство, нам даже не нужно смотреть на эту статистику. Вы работаете и ездите на работу, я не знаю, на Жигули или на Фольксвагене, а ваш директор ездит на Мерседесе или Ягуаре – вот оно неравенство. Вызывает ли оно проблемы? Может быть, и нет. А где по-другому? Когда коллеги показывают графики неравенства в странах мира, то мы видим, что с каждым неравенством все эти индексы и прочее. В России, в Соединенных Штатах, в Европе они отличаются, но они, в принципе, сопоставимы, но где-то чуть-чуть пониже, где-то чуть-чуть повыше, все зависит от методики. Буквально несколько недель назад была дискуссия на репаблик, там Ростислав Петрушников пересчитал, сказал: «А давайте откажемся от измерения неравенства по доходам, давайте посчитаем неравенство по потреблению». И главный вывод, который он увидел, состоял в том, что неравенство по потреблению за счет снижения уровня бедности, вдруг, снижает неравенство в целых рядах стран, в том же США в два раза, то есть вопрос не в том, что есть неравенство, а в том, как посчитали и почему это проблема. Еще один момент, который связан с неравенством, состоит в том, что как отметил Леонид Маркович, наличие неравенства и восприятие неравенства – это две вещи очень разные и сам по себе факт наличия неравенства не означает, что оно остро переживается. Да, стоит вопрос, а при каких условиях неравенство переживается остро, может ли быть неравенство, хотим ли мы вообще, чтобы всегда было равенство. Может быть, неравенство нас мотивирует, неравенство по доходам, возможность получать разный уровень доходов мотивирует нас как-то развиваться, разрабатывать, что-то делать, как-то жить. Тогда возникает такой вопрос, я попытаюсь немножко порассуждать о том, когда неравенство становится проблемой и как в условиях неравенств формируются перспективы для, сейчас модно говорить, прорыва уже, не модернизации. Вот как вот эта социальная среда, насыщенная неравенствами, определяет шансы страны на что-либо. Здесь еще стоит проблема измерения неравенства, как мы можем провести социологическое исследование неравенства. Зафиксировать факт его наличия, для этого не нужно проводить опросы, нужно открыть газету и прочесть: сдаю квартиру только для славян. Нам не нужно говорить здесь про равенство или про неравенство, или про новости Курбан-Байрам, когда мусульмане там молятся на площадях, потому что им не хватает церкви или просто открыть Фейсбук и там под тегом (**неразборчиво 42,07**) обнаружится акция, которая вызывает бурную дискуссию, обсуждение, что обнаружено в нашей стране гендерное неравенство. Множество всяких неравенств, вот они есть, да, и как их поизучать, на чем здесь сфокусироваться, особенно для того, чтобы отрефлексировать вот этот момент проблемности. Ведь у нас в стране много проблем, мы регулярно спрашиваем, какие у вас проблемы. Нам регулярно говорят, примерно, одно и то же, да, бедность – вот это проблема. А неравенство – это проблема или не проблема? Как мы поймем, что это проблема. Наверное, не очень количественно, да. Я просто пытаюсь немножко здесь полистать слайды с картинками с разными нашими данными, предложить какие-то возможные интерпретации, которые могут помочь немножко на эту тему порефлексировать, но, наверное, это будет больше постановки вопросов, чем ответов и я надеюсь, что в дальнейшем какая продуктивная дискуссия на эту тему развернется. Коротко, расскажу сразу основные свои тезисы. Первое, про экономическое неравенство. Как мы можем отрефлексировать экономическое неравенство через рефлексию бедности. Второй момент, как мы можем отрефлексировать экономическое неравенство – через рефлексию природы происхождения этого неравенства. Проблема не в том, что у вас нет денег, проблема в том, что вы не знаете, почему у вашего соседа,

которому столько же лет, как вам, ездит на Мазератти, хотя он от вас ничем не отличается, то есть проблема в прозрачности институтов. Немножко поговорим о социальных неравенствах, они рефлексированы или нет, они заметны или нет, и являются ли они проблемой. Скажем, гендерное неравенство, вдруг, у нас начинает становиться центром, повесткой в какой-то момент. Другой момент, когда мы смотрим западные СМИ, где обсуждаются проблемы прав трансгендеров, мы понимаем, что, наверное, в России есть такое неравенство, но проблемы такой на социальном уровне нет, просто потому что нет социального спроса. На сегодняшний день нерешаемая проблема неравенства, она нам социального эффекта сегодня не дает. Про политическое неравенство, про возможности влиять на власть и про политику. Наверное, тоже можно немножко порассуждать. Есть тезис о том, что в стране не у всех групп населения есть возможность влиять на власть, но, может быть, имеет право на существование контртезиса, а у всех ли есть потребность влиять на власть. Несколько лет назад ВЦИОМ проводил масштабные исследования, называлась электоральная панель в 2011-2012-ом году, там мы провели тест россиян на политическую грамотность. Мы задали несколько простых вопросов по Конституции, кто управляет страной, может ли президент распустить Думу и выяснили потрясающую вещь, люди не только не интересуются политикой, но и, в принципе, отказываются знать, как она работает, выбирая частную жизнь. То есть, если бы обезьяна наугад отвечала бы на вопросы этого теста, то она дала бы где-то раза в три больше процент правильных ответов, чем мы получили в среднем. То есть понятно, есть какой-то выбор, есть какой-то отказ, с этим тоже можно работать. Ладно, не буду много разговаривать, перейду к картинкам. Про экономику. Бедность критерий остроты экономического неравенства. Три вида кружочков: зеленые, желтенькие и красненькие. Зеленые кружочки – это люди, которые относят себя к благополучным, они могут себе позволить машину, квартиру, дачу и многое другое, 40% желтый большой кружочек – это люди, условно, средний слой, те, кому хватает на жизнь, на продукты, одежду, но для них крупные покупки составляют некоторый предмет накопления, то есть на холодильник надо сначала немножко пооткладывать. И бедная группа – красные кружочки, те, кто не имеют возможности покупать продукты, одежду, обеспечивать себя на минимальном уровне. Что мы здесь видим, что мы можем увидеть на этой картинке. Мы можем зафиксировать вот тот уровень бедности, на котором проблема неравенства начинает восприниматься обостренно. Мы можем зафиксировать его динамику. В 98-ом году от 70% она сократилась более, чем в 2,5 раза на текущий год. Большая? Большая. Но динамика позитивная. Является ли бедность проблемой? Ну, наверное, да, но с учетом ее отрицательной динамики встает вопрос о том, как она переживается. Кстати, здесь можно попытаться посмотреть на эту же тему в деньгах, сколько денег – это бедность. По нашим опросам бедность – это 15 тысяч рублей в месяц. По Росстату средний доход 33 тысячи рублей, средняя зарплата 45 тысяч рублей, но по нашим же опросам уровень счастья денежного – это 100-120 тысяч рублей, вот там дистанция по регионам. То есть россиянин для того, чтобы забыть про неравенство и не напрягаться, не чувствовать себя не счастливым из-за нехватки средств на все, что ему нужно в жизни для счастья, хочет получать, примерно, 100 тысяч рублей. В условиях того, что у нас средняя зарплата официально, дабы, условно, ей верим, в два раза ниже этого уровня счастья, является ли текущий уровень расслоения вот этого такой проблемой, которая имеет потенциально социальные эффекты. Вопрос. На этом вопросе я перейду к следующей картинке. Является ли бедность проблемой? Мы задавали такой вопрос, есть ли в нашем обществе противоречие, неприязнь между богатыми и бедными. Две

полосочки – это данные за 91-й год и за 2016-й год. Класс, «классовая» неприязнь, условно выражена, экономическое неравенство, вроде бы, не очень острое, но оно рефлексировано. Причем, по факту оно рефлексировано довольно заметно, подавляющее большинство населения говорит, что у нас богатые вызывают какое-то раздражение у бедных. Наверное, это признак, тем более, что по данным 2015-ого года по сравнению с 90-х, у нас доля людей, которые считают, что бедных в стране много, заметно увеличилась и составляет большинство, и так было немало – 70%, а сейчас их стало еще больше. То есть на сегодняшний день мы можем фиксировать наличие рефлексии экономического неравенства и вот он потенциальный фактор, потенциальный социальный фактор риска для политической стабильности в стране, в том числе. В динамике на графике этот фактор риска можно посмотреть на стандартном, на стандартном... длинных рядах, когда мы спрашиваем, как вы оцениваете свое материальное положение и как вы считаете, ваша семья будет лучше или хуже жить сейчас через год. Мы видим, что у нас все понемножку возросло вверх до Крыма, а после Крыма у нас обнаружилось две тенденции, во-первых, у нас наступил массовый пессимизм, люди стали хуже оценивать свое положение, люди стали хуже оценивать перспективы. А вторая тенденция состоит в том, что перспективы оценки предсказания будущего выглядят пессимистичнее оценок настоящего. То есть раньше мы верили, что сейчас не очень хорошо, но дальше будет лучше, а сейчас ожидания худшего идут с опережением. И мы видим резкий провал вниз после пенсионной реформы. Наверное, вот такой пессимизм тоже обостряет восприятие бедности как проблемы. То есть, когда мы начинаем говорить, что доходы падают, бедность проблема, противоречия между богатыми и бедными есть и они выражены. В этот момент, наверное, экономическое неравенство начинает для нас становиться проблемой. В чем могут быть заметны другие проявления экономического неравенства – в лифтах. Есть ли лифты, которые позволяют из проблемы бедности выбраться? Мы спрашиваем: оцените, насколько благодаря своим способностям вы можете преуспеть в следующих направлениях: попасть в элиту общества, стать богатым человеком, разбогатеть. Данные на сайте ВЦИОМ вывешены. Разбогатеть, попасть в элиту общества считают возможным 30%, большинство такой возможности не видят. Наверное, это может быть числовым диагнозом проблемы в лифтах.

Женщина: Очень оптимистично.

Баскакова Ю.: Наверное, это может быть числовым диагнозом проблемы в лифтах, хотя на сегодняшний день... (в зале люди зашумели) Кто рассмотрел свои позитивные шансы в чем, коллеги?

Мужчина: У вас карьерная лестница...

Баскакова Ю.: Продвинуться по карьерной лестнице, занять хорошую должность, да, но разбогатеть при этом нет, Иосиф Евгеньевич.

Мужчина.: Просто представление элиты и богатства – это одна история, а хорошую должность все себе хорошо понимают, Леонид Маркович уже говорил о том, что понимается под хорошей должностью.

Баскакова Ю.: Правда. Давайте, коллеги, посмотрим еще на...

Мужчина.: Зачем быть богатым, когда можно быть бедным бюрократом, уже богатство не нужно.

Баскакова Ю.: Это тема для отдельной дискуссии. Коллеги, давайте я за две минуты долистаю немножко остальной истории. Есть еще тема происхождения денег, есть тема справедливости. Слева графичек не наш, слева Фонда общественное мнение. Просто наших не нашла. 2/3 россиян верят, что общество несправедливо, а справа графичек наш, они считают, что этот уровень несправедливости не меняется. Вопрос в том, что такое справедливость? Что такое справедливость? Вот справедливость, мы видим диапазон понимания – это данные количественного опроса ВЦИОМ, опрос начала 2017-ого года. Мы задавали вопрос в открытой форме, вот как вы считаете, что такое справедливость? Это очень важный момент, потому что у нас больше половины населения сталкиваются с несправедливостью в отношении себя. Когда мы говорим: Вы сталкивались с несправедливостью? И мы выясняем, что, во-первых, проблема равенства перед законом, проблема равенства возможностей и третье равенство – это тема распределения социальных благ, тема социальных гарантий, тема социальной защищенности. У нас тоже возникает экономический аспект, экономическая проблема, экономическое неравенство вот в этой истории со справедливостью, то есть они работают в связке. Неравенство нас раздражает не само по себе, а неравенство раздражает как нехватка справедливости. Конкретные проявления несправедливости по сферам проявляются в том, что фактически люди сталкиваются с неравенствами. Мы приходи в сферу здравоохранения, в поликлинику, выясняем, что какая-то услуга положена, но почему я не могу ее получить. Когда мы проводим фокус-группы, то там говорят про неравенство в следующей формулировке, почему я получаю десять тысяч рублей, плачу за детский садик моего ребенка 3,5 тысячи рублей, а житель Москвы или Петербурга платит за детский садик 900 рублей, вот у меня там кто-то живет, а у них зарплата в три раза выше. Это неравенство осознается, это неравенство доступа к социальным услугам рефлексировается. Причем, дальше я покажу 2-3 картинки про неравенства в регионах и вот просто сразу свою мысль хочу сформулировать, мысль состоит в том, что неравенство в регионах рефлексировается через неравенство доступа к социальным услугам, через неравенство доступа к социальным сервисам, не к чему-то другому. Про считываемые возможности восстановления справедливости пропущу, опять же. Региональное неравенство, где больше возможностей: В Москве или, примерно, одинаково в Москве и в регионах, другие варианты опустила для ясности картинки. Графички показывают, что Москва дает больше возможностей для работы, для досуга. Здесь нет картинок о том, что Москва больше дает возможностей для образования, для построения карьеры. Фактически это единственный город, который нам дает все экономические возможности, в сравнении с другими регионами. Является ли межрегиональное неравенство в этом ключе проблемой? Не факт, потому что, когда мы посмотрим на другие аспекты жизни, например, решить проблему с жильем, сохранить здоровье, воспитать хороших детей, выясняется, что в регионах это сделать легче, проще и лучше. И, вроде, в результате разрыв между Москвой и регионами перестает быть таким менее судьбоносным, человек вполне сознательно может сделать выбор в пользу Москвы для того, чтобы заработать и преуспеть на линии на экономическом неравенстве, он может сделать пользу в жизни в регионе, и, может быть, жизнь в регионе с лучшей экологией, с лучшим воздухом, с лучшим климатом, с меньшим темпом жизни, и более успешно воспитывать детей – тоже вполне себе выбор, не обязательно неравенство будет драматично. Есть еще разные другие виды неравенств. Поскольку, времени у меня не осталось, коротко вклучу цифры. Гендерное неравенство, оно есть, но оно сглаживается. У нас, вдруг, за последние 10 лет

обнаруживается, что главой семьи, вдруг, становится не мужчина, а становятся оба главами семьи. Шансы женщин получить хорошую работу становятся, примерно, такими же, как у мужчин, хотя еще не совсем, но почти. Пол кандидата в президенты перестает иметь значение. На выборах 2017-го года половина была готова голосовать как за мужчин, так и за женщин. Мы видим, что гендерное неравенство вполне себе выравнивается, хотя оно остается и пока проблема для кого-то явная. С другой стороны, если бы мы сравнили, например, ситуацию с западными странами, то, наверное, по всем показателям мы бы были где-то внизу. Является ли это проблемой на текущем этапе развития? Может быть, и нет. Права меньшинств.

Женщина: Насилие.

Баскакова Ю.: Насилие.

Женщина: Это проблема.

Баскакова Ю.: Это проблема и она замалчивается и по данным наших опросов там, примерно, половина наших женщин сталкиваются с насилием на регулярной основе. Эти данные ВЦИОМ недавно публиковал или опубликует. Но мы вместе с тем, что это проблема, мы наблюдаем положительную динамику. Но можем ли мы говорить о том, что наличие в стране гендерного неравенства там несет в себе социальные риски на текущий момент. Может быть, и может, тема для обсуждения. Права меньшинств. Права меньшинств у нас, как видно из картинки, представлено на слайде, никак обществом не востребовано, в лучшем случае на уровне невмешательства. Является ли это проблемой неравенства, с точки зрения, мировых установок на неравенство? Конечно, является проблемой. Но, с другой стороны, если ли социальный спрос на решение этой проблемы неравенства? Пока он не сформировался очевидным образом. Возможность влиять на власть не считается, но является ли это проблемой? Когда мы задаем вопрос: интересна ли вам политика? У нас больше половины населения отвечают: Нет, она нам неинтересна. Мы говорили вначале о том, что уход в частную жизнь вполне может стать альтернативой спросу на влияния политику. За последние свои 30 секунд формулирую выводы. На сегодняшний день в России представлен широкий спектр неравенств и часть этих неравенств не просто выражены, но и рефлексированы в социальное пространство, что является не тождественным. А какие социальные риски этих неравенств мы на сегодняшний момент мы можем отметить по данным опросам. В рамках экономики мы говорим о том, что мы фиксируем рефлексию, массовую рефлексию высокой бедности, хотя не так, как на уровне 90-х и ожидаемый пессимизм в отношении изменения ситуации, то есть мы считаем, что в стране высокая бедность, и что дальше будет хуже. Второй момент – считаваемая несправедливость системы, в первую очередь, в сфере экономики, в сфере непрозрачности лифтов, в сфере непрозрачности зарабатывания. Считаваемое неравенство регионов – это неравенство выражено, в первую очередь, в негативе, у нас стоит Москва в теме экономики. Вторая тема неравенства появляется сейчас в теме экологии вокруг Москвы, когда возникает проблема свалок, тема неравенства здесь может расширяться, иметь непредсказуемые волны. Второй момент – тема социальных неравенств, они на сегодняшний день проговариваются, но на уровне проблематики, на уровне проблемного фона они звучат как вторичные. Вот эти вот сюжеты, с которыми они связаны, это сюжеты, которые появляются в публичном пространстве, которые порождают волны каминг-аутов от различных медийных персон, публичные акции с запросом на строительство мечетей, на безбарьерную стрельбу, какие-

то яркие кейсы, которые произрастают из разных историй, но, тем не менее, что с этим вопросом делать, пока неясно. Является ли это проблемой – тоже пока неясно. Спрос на политическое участие минимален, мы его не фиксируем, но он формируется с наступлением, с выраженным наступлением на частную жизнь. Когда у нас в Москве возникли митинги, которые против реновации, то эта проблема была связана не с тем, что там кому-то захотелось на что-то влиять, а просто кто-то не получил информации и воспринял ситуацию риска чисто для себя, что в мой дом пришли и с моим домом сделают что-то, чего я не хочу, появляется спрос на политическую часть. Но вместе с тем вот этот уровень неравенства не создает на текущий момент нестабильности и проблемы. Спасибо, коллеги.

Ведущий: Спасибо большое, Юля. Столкнулись лед и пламя, фокусированный взгляд канониста и весьма, весьма широкий, я бы сказал, расширяющийся, не останавливающийся в своем расширении взгляд социолога. Я позволю нашей уважаемой аудитории задать три вопроса и три вопроса, вы хорошенько подумайте прежде, чем задать вопрос, потому что вопросы должны быть действительно интересные и актуальные. И кому будет адресовано больше вопросов: два из трех или все три, я думаю, что они и будут. Давайте, уважаемая аудитория, представляйтесь. Сейчас Татьяна к вам подойдет с микрофоном, представляйтесь и вопрос по существу доклада.

Мужчина: Спасибо большое за доклады. Мне кажется, тема очень интересная, хотя неравенство как таковое, конечно, проблема дискуссионная, потому что и водопад - это неравенство, там, где нет переходов...

Ведущий: Пожалуйста, задавайте вопрос, представьтесь.

Кубряк: Моя фамилия Кубряк, я заведующий лабораторией функциональной физиологии занимаюсь теоретической медициной. Я хотел спросить: не кажется ли вот Юлии, что проблема во многом носит такой характер, связанный с какими-то социальными травмами, может быть, я не скажу, медицины, но речь идет о том, что трактовка тех фактов, которые вы оцениваете либо которые представил другой уважаемый докладчик, она не всегда критична, да, то есть населением, людьми, народом. Вопрос в том, что какая здесь роль медицины здесь может быть, на ваш взгляд при оценке таких факторов?

Баскакова Ю.: Роль медицины?

Кубряк: Да.

Баскакова Ю.: Коллеги, я противник роли медицины в этом конкретном вопросе, я думаю, что эта история абсолютно ценностная, гуманитарная, гуманистическая, зафиксированная декларациями прав. Я бы предпочла обсуждать этот вопрос в правовой плоскости, не в медицинской.

Кубряк: Нет у нас депрессии у населения, она не меняется, число людей.

Баскакова Ю.: Про депрессию это не ко мне. Про депрессию я даже вот смотрю, выискивая в аудитории медиков, не знаю.

Мужчина: Мировые данные известны, что пьянство и депрессия растут.

Ведущий: Следующий вопрос. Представьтесь, пожалуйста.

Ефанова О.А.: Ефанова Ольга Алексеевна директор Евразийского института социально-политических исследований. У меня следующий вопрос, скажите, пожалуйста, как сочетаются следующие вещи, то, что у вас сейчас в графике резко ухудшение надежд на будущее, да, после того как пенсионная реформа прошла, резкое ухудшение и одновременно сообщение вашей службы, что 70% населения одобряют пенсионную реформу.

Мужчина: Такого не было.

Ефанова О.А.: Простите, это прозвучало по радио.

Мужчина: С радио и спрашивайте.

Ефанова О.А.: Не знаю.

Баскакова Ю.: Я просто не слышала цифру про то, что 70%.

Ведущий: Вы попали под влияние чуждого нам радио.

Мужчина: Радио ВЦИОМ говорит правду.

Ведущий: И последний вопрос к докладчикам, потому что желающих выступить много.

Ромашкина Р.: Румия Ромашкина, практикующий социолог. У меня вопрос следующий, существует ли корреляция между уровнем доходов и политическими взглядами, политическими предпочтениями? Как, собственно говоря, вопрос и к вам, и вопрос к вам. Долгосрочная перспектива, можем ли мы наблюдать, что в зависимости от того, что человек бедный, он выбирает коммунизм, например, или мы такие взгляды не можем, корреляцию не можем...

Ведущий: Вопрос к кому из докладчиков?

Ромашкина Р.: К обоим.

Григорьев Л.М.: У меня нет ответа, только очень коротко. Вы знаете, когда я смотрел на совет ВЦИОМ и, например, уровень президента, показывали, что 70% за него. Перед выходом было совершенно понятно, что если бы состоятельные классы были бы против президента, то никаких 70 не могло бы быть, там 30 как-то делились между остальными. Совершенно понятно, что это страна, в которой состоятельные классы этот президент, в принципе, устраивает. Может, они все хотели бы всю печку перебрать, но президент устраивает. Поэтому я хожу во ВЦИМО и просто старшему говорю, а сделайте опрос по квартирам, сделайте опрос по квартирам, потому что вот это счастье перманентное, для меня это температура по больнице, потому что я точно знаю, что по всем экономическим: зарплатам и так далее, совершенно разное материальное положение, а главное, я не понимаю, почему надо кому-то доказывать. В свое время Заславская сделала, значит, событие помните 40 лет назад, когда она опубликовала, что у кого дома есть пылесос и до сих пор они публикуют, там есть гениальные до сих пор две строчки, что те, у кого нет пылесоса, у них так же нет и ковра, но это же открытие. До сих пор 20% населения страны не имеют ни ковра, ни пылесоса, что мне кажется нормальным, если у тебя нет ковра, на хрена тебе пылесос. Остальное все есть. Я просто хочу сказать, мы не знаем из этих данных ни по региону, ни по Москве позиции, я не мог найти никакого расклада по отраслям.

Ведущий: Давайте на этом завершим сессию вопросы-ответы.

Ромашкина Р.: Ответ Юлии, у нее даже есть ответ.

Мужчина: Знаете, наши русские люди не любят отвечать на вопрос о доходах, поэтому мы какое-то время назад перестали его уже им задавать. Мы просим дать самооценку материального положения и у всех она либо плохая, либо средняя. Те, у кого она хорошая, очень мало. Сейчас по естественным соображениям еще меньше, чем прежде. Поэтому, конечно, есть корреляция, конечно, есть. Иван Григорьев хочет что-то сказать.

Григорьев И.: Фонд общественное мнение. Люди не любят отвечать на вопрос о доходах, но мы их все-таки задаем. Задача очень простая, самая высокая поддержка населения (**неразборчиво 01,06,20**). Не буду объяснять, почему.

Ромашкина Р.: Объяснить я могу и сама.

Григорьев И.: Тем не менее, там самая высокая поддержка.

Ведущий: Комментарий.

Женщина: Может быть, на уровне поддержки президента разницы нет, но помните выборы московские депутатов и там были очень интересные расчеты, что в районах, да, в районах, где больше азбук вкуса были больше доля проголосовавших за тех или иных депутатов, в том числе за системных депутатов, то есть если не рассматривать самую верхушку политической системы, то, конечно, есть. Азбуки вкуса принимается достаточно надежный индикатор.

Ведущий: Хорошо. Так, надо двигаться дальше, у нас есть несколько коллег, которые записались заранее на выступления. Среди них Марина Юрьевна Милованова, которая попросила 5 минут, но в силу дефицита времени я все-таки выделю три минуты. Уложитесь?

Милованова М.Ю.: Нет, конечно.

Ведущий: Постарайтесь, пожалуйста. Это регламент нашего общего большого мероприятия.

Мужчина: Никогда в научном совете 3 минут регламента не было, либо это другой формат. С каких пор, от модератора стал зависеть формат научного совета. Либо это какая-то дискуссия, тогда это не научный совет ВЦИОМ.

Ведущий: Представьтесь, пожалуйста.

Милованова М.Ю.: Уважаемые коллеги. Тема, которую я заявила, (**неразборчиво 01,08,35**) как индикатор и регулятор социального неравенства в России, то есть я более о каких-то приземленных вещах и о скромном третьем секторе буду говорить, попытаюсь ответить именно на этот вопрос: индикаторы и регуляторы социального неравенства в России. Я представляю Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры политической социологии. Здесь уже много, действительно, говорилось и о социальном неравенстве, и о запросе граждан на доверие государству, признание государством гражданского общества. Так или иначе мы говорим о третьем и некоммерческом секторе, потому что если брать те же цивилизованные страны, то мы понимаем, что в тех же западно-европейских странах нормально быть членом нескольких

общественных организаций, потому что именно общественные организации являются ретранслятором общественного интереса и через эти сообщества можно защищать свои личные интересы, выводя их на уровень общественного интереса. Собственно говоря, данные, которые мне хотелось бы привести. Действительно, сегодня 61% россиян говорит о том, что современное общество устроено не справедливо. По их мнению, несправедливость проявляется в социальном неравенстве, да, в несправедливом распределении доходов 16%, в низком уровне жизни 9%, в коррупции, воровстве, безнаказанности коррупционеров 5%, отсутствии заботы о людях 4%, отсутствии законности 4%. Интересны данные и Левада центр за ноябрь месяц, что 47% против 42 считают, что дела в стране движутся в правильно или неправильном направлении, то есть 47 в правильном, 42% в неправильном направлении, 11% затрудняются ответить. Теперь по доходам и эти данные, они приведены и у Юли они так же были приведены в ее докладе, но я лишь приведу еще уточнение, что 12,1 миллионов россиян или 16,8% трудоспособного населения являются работающими бедными. У черты бедности находятся 93% работников сельского хозяйства, 93% работников легкой промышленности, 87% работников образования, 85% работников здравоохранения, 83% работников сферы коммунальных, социальных и прочих услуг, включая культуру и спорт. Сегодня 80% всех бедных в России это семьи с 2-3 детьми. Данные 40% хватает людям на еду были так же приведены, но внутри этого работоспособного, работающие бедные, эти данные, мне кажется, характеризуют как раз степень социального неравенства, о котором мы пытаемся сегодня рассуждать. И так о НКО, что представляет сегодня некоммерческий сектор, на который возлагают очень большие надежды, как оразители интересов и роста гражданского общества, в принципе. По данным Минюста в 2015-2016-х годах общее количество НКО в России оставалось стабильным с тенденцией к определенному росту. На конец 2015-ого года в реестре числилось 226 тысяч НКО, на декабрь 2016-ого 227, на ноябрь 2017-ого 223, на четыре тысячи организации произошло снижение. НКО продолжают осуществлять деятельность, это данные общественной палаты 15-25% это постоянная основа. Что там интересного внутри в со НКО, социально-ориентированные некоммерческие организации. На конец 2015-ого года зарегистрировано 140 тысяч СОНКО, на конец 2016-ого 143 тысячи 436 СОНКО, 63 от общего числа зарегистрированных НКО. Но мы понимаем, что достаточно сегодня в Уставах зафиксировать, что вы занимаетесь какой-то социальной работой и вы становитесь СОНКО, причем к СОНКО относится и аналитический центр при правительстве Российской Федерации, и Агентство стратегических инициатив, и различные правительственные фонды. Государственные корпорации относятся к числу НКО. В реестре Минюста в числе НКО указано более 4 тысяч политических партий, включая региональные отделения. То есть мы понимаем, что внутри там тоже все неоднозначно. Некоммерческий сектор, да, он развивается, но неравномерно развивается. Что бы здесь хотелось, на что бы обратить ваше внимание, о том, что как раз надежды большие, в том числе и у нашего руководства, у президента именно на некоммерческий сектор, ратуют, стремятся, поддерживают. Мы видим, что идет рост количества частных пожертвований в эту сферу экономики и неформальная гражданская активность. Но для того, чтобы было больше доверия к СОНКО, необходима прозрачность и подотчетность деятельности НКО – это тоже зафиксировано в общественном мнении. Вот данные, которые мне кажутся очень, очень интересны: общий объем доходов СОНКО в 2015-ом году составил 686 миллиардов рублей. В 2016-ом году 831 миллиард рублей по данным Росстата, в

частности доходы от реализации товаров, услуг составили 254 миллиарда рублей. Поступление от российских коммерческих организаций 174 миллиарда рублей. Для чего я называю эти данные, потому что такие астрономические цифры не согласуются с данными министерства экономического развития Российской Федерации об общем объеме экономики реального некоммерческого сектора. Так поддержка СОНКО из федерального бюджета в 2016-ом году составила около 11 миллиардов рублей, когда мы говорили о 831 миллиарде рублей. В том числе 4 миллиарда образование, физическая культура и спорт 3,2, культура 2 миллиарда. Очевидно, что речь идет, в том числе о различных правительственных фондах, спонсируемых из бюджета, спортивных клубах, других организациях, которые лишь номинально можно отнести к некоммерческим. Теперь о поддержке с уровня президентских грантов. Да, с 2012-ого года иностранные агенты началась более массивная поддержка этого сектора. В 2017-ом году 2 миллиарда 320 тысяч, но если мы посчитаем от общей численности 127 тысяч, победителями становятся 3213 организаций, 3213 победителей по всей стране – это 2,25.

Ведущий: Марина, прошу прощения, мы отклоняемся от темы дискуссии.

Мужчина: Просто радикально.

Милованова М.Ю.: Мы не отклоняемся, мне кажется, мы не отклоняемся.

Ведущий: Если можно как-то приблизить нас к теме обсуждения, чтобы у нас состоялась дискуссия.

Милованова М.Ю.: Почему важны эти данные, потому что надежда на общественные объединения на третий сектор, они есть, но если мы говорим о процессах, то они такого микроскопического характера, а с точки зрения надежд, сегодня именно на некоммерческий сектор возлагается оказание социально-значимых услуг в условиях коммерциализации здравоохранения, образования, культуры, занятий физической, но если мы посмотрим, созданы ли инфраструктурные условия для того, чтобы некоммерческий сектор смог на качественном уровне оказать данные услуги, то здесь возникает очень много вопросов. К сожалению, я так понимаю, у меня нет технической возможности показать как раз перечень тех социальных услуг. Вот вы говорите, чем может медицина помочь им, да, и как здравоохранение и куда вообще бедному человеку обратиться. Мы понимаем, что на сегодняшний день в социально-значимых услугах как раз те направления деятельности отражены, которые работают сегодня на беднейшие слои населения. Да, это бедный человек должен пойти, но вопрос в том, по отчету Тополевой-Солдуновой в общественной палате сегодня в реестре, сегодня в реестре, несмотря на принятые и постановления правительства, и указ президента, в реестре зафиксировано, подумайте, на всю страну 170 организаций, тех, которые прошли по конкурсному отбору, вошли в реестр и, собственно говоря, они могут оказывать эти социальные услуги. Вот этот перечень, да, вы, наверное, все знакомы с ним, с постановлением правительства Российской Федерации 2016-ого года.

Ведущий: Я прошу прощения, я вынужден прервать ваш доклад, потому что у нас нет времени.

Милованова М.Ю.: Я резюмирую, спасибо большое. Вывод, он, безусловно, как раз состоит в том, что надежды на некоммерческий сектор большие. На сегодняшний день ставится за пять лет повысить уровень волонтерского движения до 9 миллионов человек,

до 9 миллионов человек за 5 лет. Данные занятых сегодня в некоммерческом секторе 991 тысяча человек, то есть здесь явные, я думаю, вопросы возникнут в самом ближайшем будущем. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Следующий наш докладчик Михаил Эгонович Дмитриев.

Дмитриев М.Э.: Уважаемые участники обсуждения, я хочу коротко показать результаты, которые мы получили в рамках двух (неразборчиво) обследований в мае и октябре. Эти волны были заточены на очень узкую задачу: выявление качественных глубоких изменений в массовом сознании. К нашему удивлению тогда, когда мы запускали первую волну, мы не ожидали, что вопрос неравенства и справедливости выйдет на первый план, мы не исследовали его специально. Все эти опросы строятся на нашей классической методологии, нацелены на выявление качественных сдвигов в массовом сознании – это фокус-группы, и мы их сопоставляем с данными количественных социологических опросов, как правило, других компаний. Много из того, что я сейчас покажу, точнее, покажу очень немного, но значительная часть этих результатов хорошо сопоставляется с количественными данными опросов. И с этой точки зрения, несмотря на то что фокус-группы сами по себе не представительны, валидность результатов довольно неплохая. И так, в мае мы обнаружили три существенных подвижки в массовом сознании, которые действительно очень значимы. Первое – это обострившийся запрос на перемены, причем, перемены даже рискованные, но обещающие быстрого улучшения ситуации. Второе – изменение локуса контроля, то есть причины, которые люди воспринимают как источник проблемы в направлении их решений. Локус контроля до недавнего времени доминировал внешний, люди предпочитали опираться на помощь государства в решениях проблем, сейчас в мае локус контроля сместился на внутренний локус, 95% участников фокус-групп сказали, что они больше не надеются на государство и только 5% сказали, что они рассчитывают. В результате произошло неожиданное для нас смещение приоритетов, когда люди очень много говорили о том, что они больше не очень надеются на сильного лидера, который может там появиться, быть наделенным максимальными полномочиями, решить все проблемы и много говорили о справедливости. Когда мы сопоставили эти два приоритета, получилось очень интересное соотношение: справедливость в широком смысле слова, включая запрос на дистрибутивы социальную политику указали там приоритеты – 80% людей и только 5% сильного лидера. По сути дела, смещение локуса контроля на внутренний одновременно ослабило запрос на сильного лидера и привело к резкому усилению приоритетности справедливости как фактора обеспокоенности проблемами экономического неравенства. Эта несправедливость была явно дистрибутивной по своей природе, мы ее на фокус-группах не исследовали, но количественники той поры, в частности, здесь приведены апрельские данные Левада-центра в правой колонке, говорят, что большинство проблем, которые люди указывали по поводу справедливости, носили явно материальный характер, они не были связаны, например, с проблема правовой справедливости – равенство людей перед законом. Теоретически эта модель новых установок укладывалась в логику того, что на Россию надвигается волна контрэлитного популизма, резкий запрос на перераспределение в условиях вялого экономического роста, поскольку в этих условиях перераспределение для небогатых людей – это наилучший, в их понимании, способ быстрого решения их проблем и, с другой стороны, усиление контрэлитных настроений. Летом все это так и происходило, но октябрьское исследование показало, что все начало

меняться. Локус контроля, по-прежнему, стал доминирующим, остался доминирующим фактором, но сильно сместился в сторону нацеленности на решение общественных проблем. 60% респондентов сказали, что они хотят и готовы вносить личный вклад в построение идеальной России, причем разные методы: платить высокие налоги, заниматься благотворительностью, волонтерством, вкладывать деньги в экономику, заниматься агитацией и просвещением, участвовать в общественных движениях. И это очень хорошо билось с данными количественного опроса. Левада провел в октябре опрос, где, который в процентном соотношении практически совпал с нашими результатами нерепрезентативных фокус-групп. Произошло, по данным Левады, резкое усиление готовности, точнее ощущение ответственности за то, что происходит в стране, проактивная позиция, явно связанная с фокусом контроля. Но одновременно произошла, к удивлению нашему, замена типа справедливости. Когда мы в фокус-группах просили людей сравнить, что для них важнее: перераспределительная справедливость - с перераспределением доходов и активов либо же процессуальная справедливость - равенство всех перед законом, 80% респондентов в наших фокус-группах говорили, что для них важнее равенство перед законом. Это можно было бы внезапная практически калейдоскопическая смена приоритетов всего лишь за полгода могла выглядеть случайностью, но когда мы стали в рамках этих же фокус-групп анализировать ее в более широком контексте, то мы сейчас приходим к выводу, что как минимум, с точки зрения, освещения ценностных приоритетов, это не случайность. Когда мы попросили людей в октябрьских фокус-группах проголосовать по 10-бальной шкале, что для них важнее: физические потребности, причем в широком смысле - это еда, одежда, жилье, даже медицина или свобода, уважением, честность, мир, ценности самовыражение, нематериальные ценности, вот здесь показаны результаты голосования. Ценности, относящиеся к ценности самовыражения в полтора, два раза превысили во всех наших фокус-группах запросы на удовлетворение текущих материальных потребностей. Поэтому в этом контексте вытеснение дистрибутива, запрос на дистрибутивную справедливость, запрос на процессуальную справедливость, равноправное положение всех в отношении закона - это, скорее, выражение быстрого смещения приоритетов в сторону меньшего акцента на материальные запросы и большего акцента на самореализацию через активную гражданскую позицию. Проблема только в одном, все это произошло всего лишь за полгода. Явно такое смещение приоритетов может быть очень неустойчивым и прежде, чем делать какие-либо выводы о тенденциях и последствиях такого рода изменений, мы должны понять, что будет дальше. Дальше эти приоритеты могут опять калейдоскопически быстро поменяться на какие-то другие, например, откат в сторону контрэлитного популизма или, наоборот, закрепление этой системы ценностей и возврат в ту стабильную парадигму, которая наметилась в послекрымский период. Все эти траектории имеют очень разные последствия, но в любом случае, я бы хотел закончить только одним, вот тот факт, что мы сейчас наблюдаем очень резкое смещение приоритетов в сторону нематериального потребления и иное восприятие проблемы неравенства и справедливости, говорит о том, что в целом российское общество демонстрирует признаки большей зрелости. Условия жизни людей в большей степени, об этом Леонид Маркович нам волей-неволей говорил в своей первой части доклада, сближаются с условиями жизни развитых стран и в этих условиях материальные потребности уже не довлеют столь категорически над всеми другими запросами людей. Даже, если нынешний всплеск неустойчив, он все равно говорит, что вот эта вот возможность усиления

приоритетов самовыражения над ценностями выживания, она периодически уже возникает. Со временем это может стать определенной тенденцией, которую надо наблюдать. Спасибо.

Женщина: Вопрос можно? А какие-то подобные всплески, которые возникали, потом уходили, вы наблюдали?

Дмитриев М.Э.: Да, мы наблюдали точно такой же всплеск приоритетности нематериальных ценностей в 2012-ом году, он длился всего лишь несколько месяцев, но, опять же... В 2012-ом, именно в 2012-ом. В 2011-ом этого еще не было. У нас есть опубликованный доклад, в нем показана эта вот статистика, но тогда это происходило после четырех лет интенсивной пропаганды президента, президентства и Медведева, когда пропагандировались вот эти ценности самовыражения, это было сильно, эти приоритеты сформировались под давлением среды информационной и средств массовой информации. Сейчас средства массовой информации такого рода задачи не преследовали, их коммуникативные мессенджеры были совершенно другими. Поэтому сейчас такого рода изменения в некотором смысле более фундаментальны, чем то, что произошло в 2012-ом году. Но там и там это может быть очень кратковременно, это всплеск на короткое время, потом откат куда-то, мы не знаем, куда.

Женщина: А были ли всплески, которые поднялись и продолжались?

Дмитриев М.Э.: Перестройка – типичный пример.

Мужчина: Один вопрос – это фокус-группы разных людей?

Дмитриев М.Э.: Удивительно то, что это не зависит от социального слоя. Были фокус-группы с пенсионерами, со студентами. В Москве, на периферии моногород, типа, Гусь Хрустальный, в Сибири Красноярск, на Урале Екатеринбург, везде одно и то же, разница в приоритетах материальных – нематериальных немножко различалась, но везде вот эти вот ценности самовыражения внезапно выскочили вверх.

Мужчина: Это не те ценности.

Дмитриев М.Э.: Это критерии ценностей все равно измеряются таким образом.

Мужчина: Может ли случиться так, совершенно специфическая ситуация во Владимире, Гусь Хрустальный, в других городах Владимирской области, в 2018 году, ровно тогда, когда проводилось исследование...

Мужчина: Некоторые переоценки личных сдвигов.

Дмитриев М.Э.: Все, что угодно может произойти, в том-то и дело, но в любом случае это говорит о том, что в данный момент массовое сознание, скорее всего, выведено из статического состояния, оно перестало быть заякоренным на определенных стереотипах и может довольно быстро меняться. Вот такая резкость изменений в фокус-группах у нас очень редко бывает, она бывает именно тогда, когда происходят лавинообразные серьезные каскадные изменения в массовом сознании.

Ведущий: Последний вопрос.

Григорьев Л.М.: Если я захочу накрыть стол для первых ваших групп, ресторан на сколько человек надо снимать?

Дмитриев М.Э.: Леонид Маркович, это действительно небольшая выборка. Во второй волне обследования было порядка 170 человек, но самое удивительное, что количественные оценки, которые мы получаем, с точностью, буквально до 3-4% по некоторым пунктам совпали с данными количественных опросов, проведенных в то же время. Вот типичный пример – это опрос Левада-центра, в какой мере вы чувствуете ответственность за то, что происходит в стране? Только 40% респондентов у Левады не чувствовали ответственности за то, что происходит в стране. Вот результаты нашего опроса респондентов фокус-групп – 37% не чувствовали ответственность за то, что происходит в стране, остальные чувствовали и готовы были участвовать в решении проблем России, построения будущего России.

Ведущий: Еще один вопрос.

Мужчина: На вопрос ответьте.

Дмитриев М.Э.: Да, конечно.

Мужчина: Ваша оценка роли и возможностей социальных сетей в формировании массового сознания ценностей?

Дмитриев М.Э.: Из-за переключения локуса контроля на внутреннее, происходит усиление межличностных горизонтальных коммуникаций в формировании общественного мнения оценок – это подтверждено данными количественных опросов, в том числе и Фонда Общественное мнение, недавно они опубликовали свои данные оценки влияния разных источников информации. Происходит довольно заметное ослабление официальных СМИ. Вот по данным ФОМ их влияние упало на 20% с максимального влияния в 2015-ом году, и усиливаются межличностные коммуникации – это соответствует вот этой тенденции на переход на внутренний контроль.

Мужчина: Все-таки в процентах, ориентировочно, средства массовой информации традиционные и социальные сети?

Дмитриев М.Э.: Средства массовой информации, из ФОМ, 40% берет информацию отсюда, из других источников, если их просуммировать, примерно, столько же, то есть они каждый из них по отдельности пока менее значимы, но тенденция к их усилению.

Мужчина: То есть половина социальные сети формировала.

(хором говорят)

Ведущий: Я сейчас предлагаю переключиться. Михаил Григорьевич, спасибо большое.

Дмитриев М.Э.: Я просто хочу сказать, я здесь затрону лишь один маленький аспект той информации, которую мы получили. Мы 18 числа выпускаем второй доклад, майский доклад уже доступен, он опубликован висит на сайте КГИ, а вот сейчас мы выпускаем второй, где показана эта динамика, там очень много подробностей, в том числе отношение к СМИ и динамика контрэлитных настроений отношений к власти и многое другое. Так что, я не хочу просто сейчас комментировать, у нас будет возможность поговорить.

Ведущий: Точки зрения по методологии качественных исследований, можно ли интерпретировать таким образом качественные исследования, но в любом случае, выводы интересные и, если позволите, Михаил Эгонович, мы потом обратимся, придем к

вам учиться, как делать такие выводы на основе фокус-групп. А теперь от экономистов и социологов слово я хочу передать слово политологам – Константину Эдуардовичу Калачову, он просил несколько минут.

Калачов К.Э.: Поскольку я опоздал на полчаса и ничего не слышал...

Ведущий: Но, тем не менее, у вас есть...

Калачов К.Э.: Я сокращу свое выступление буквально до двух минут. Давайте, например, что как в Японии, что мы живем кастово, сословно в корпоративном государстве. Давайте (**неразборчиво1,35,58**), что потребность человека не только в (**неразборчиво**), но в уважении, в безопасности и во многих прочих нематериальных вещах. Что может быть триггером протестных действий, то, что мы как раз обсуждали с коллегой из ФОМ, возьмите город Владивосток, Приморский край, выборы между первым и вторым туром, Восточный экономический форум, говорят о прекрасном развитии, но при этом город стоит в пробках и высокоавтомобилизированный город и эти пробки становятся триггером во многом в голосовании во Владивостоке, во втором туре так это происходило, потому что было деление на мы и они, мы и они. То есть, условно говоря, касты, сословия, корпорации как вещь, которая ощущается как несправедливость. То есть, когда речь идет о неравенстве, кстати, моя жена чиновник, когда мы с ней обсуждали, я еду, она сказала, ну, что они обсуждают неравенство. Вчера Дмитрий Анатольевич Медведев говорил о борьбе с бедностью. Я думаю, что борьба с бедностью и борьба с неравенством – это совершенно разные вещи и неравенство то, которое создает социальные риски, угрозы, они сводятся только к уровню дохода. Это широкий круг проблем, это проблема самооущения, это территориальное неравенство, это сословное неравенство, это много разных вещей, о которых нужно говорить или чтобы знать о тех рисках, тем более, триггером протестных действий зачастую становится сама власть своими неуклюжими и неправильными действиями, которая почему-то считает, что, собственно говоря, можно любые проблемы заливать деньгами и что повышение зарплат и пенсий – это ответ на все вызовы и угрозы. Я думаю, что ценности самореализации, ценности самоуважения действительно приобретают все большую и большую роль в нашем обществе. Есть серьезный запрос на справедливость, вот нужно, собственно говоря, понять, что именно люди понимают под справедливостью, потому что, когда проводишь опросы, можно спросить по-разному, власть и закон – это одна история, да. Вторая история – поставить человека в ситуацию, когда, например, он на своей машине въезжает в машину какого-нибудь большого чина из ФСО или ФСБ, это уже другая история, да, то есть, условно говоря, маленький эксперимент, который тут же ставит человека в положение человека маленького, который явно проиграет в споре человеку большому. Так вот я надеялся и думал, что сегодня будет какая-то вот, собственно, что всегда эта история связана с желанием ВЦИОМ стать лоббистами, как уже некоторые у нас пытались, потому что, как мне кажется, мы стоим на пороге больших перемен. Знаете, все время на круглом столе... сказал, что будут большие перемены и угадал. Я думаю, что в перспективе 2-3 лет у нас, нас ждут очень серьезные перемены, 21-й год будет ключевым. И тема неравенства, тема неравенства станет доминантой, станет доминантой общественного развития и причиной этих самых перемен, это будет не только имущественное неравенство. Собственно говоря, все.

Мужчина: Спасибо. Мы очень рады, что среди нас присутствуют пророки. В этой связи вопрос, можно?

Калачов К.Э.: Да, конечно.

Мужчина: (неразборчиво 1,39,30) Вопрос, если все мы живем в сословном обществе, которое при этом еще является и кастовым, и еще корпоративным, то есть такое нагромождение разных совсем систем, но бог с ним, в общем, можно как-то догадаться, что вы имеете в виду. Но вы отталкивались от Приморского примера. Вопрос в этой связи, что является триггером вот взрыва, массового протеста, значит, в сословном обществе, на примере Приморского края?

Калачов К.Э.: Там пока еще взрыва-то не было, собственно говоря. Есть проблема ощущения несправедливости, есть их представление о том, что должно быть, то есть образ должного и то, что есть. На самом деле, есть большой диссонанс между теми картинками, которые рисуют в Приморье комитет развития, ТОС и так далее и жизнью реальных приморцев, там серьезная депопуляция, там нет возможности самореализации, там трудно получить нормальную работу, рядом близость с Китаев, люди едут лечить в Корею, отдыхать в Тайланд, за машинами ездят в Японию, то есть, собственно говоря, у них перед глазами разные модели, есть, с чем сравнить, это не средняя полоса. Не знаю, что будет триггером, но, когда мы говорим про касты, сословия и корпорации я могу пояснить свою мысль. Есть запрос на безопасность, но как вы думаете, с точки зрения запроса на безопасность, ваша принадлежность к касте силовиков, именно к касте, она увеличивает безопасность или нет? Конечно, увеличивает, безусловно.

Мужчина: Шансов быть убитым резко больше.

Калачов К.Э.: Есть еще шансы быть похищенным, например, да, и так далее.

Мужчина: Вы же задали один вопрос, не надо манипулировать ответами.

Калачов К.Э.: Я, собственно говоря, исхожу из того, что есть определенные общественные запросы, которые сводятся к материальным благам. Накануне событий, вернее, во время событий на Болотной, мы работали в двух регионах, мы проводили исследование, причем, у заказчика появилось любопытство, мы поставили вопрос: отношение к Болотной первое в Ульяновской области. И как выяснилось, мнения по поводу Болотной разделились с некоторым перевесом в пользу Болотной, то есть, казалось бы, в Ульяновске никто не вышел на улицу, никаких митингов не было и вообще глухомань, провинция и так далее, но свыше 40% респондентов говорили, что они поддерживают Болотную, ее требования. Казалось бы... Поэтому, я думаю, что когда речь идет о неравенстве, нужно говорить о неравенстве и политическом, и социальном, и в неравенстве в вопросе получения не только материальных благ, но, скажем, безопасности собственной, своих детей и так далее, комфортная среда обитания, доступ к социальным благам, доступ к социальным лифтам и прочее, прочее, прочее, то есть сводит все к марксистским схемам, наверное, не стоит, не стоит упрощать, сводя неравенство только к проблеме бедности.

Ведущий: Спасибо. Еще один интересный аспект нашей обсуждаемой проблемы. Я предоставляю слово Наталие Михайловне Великой и приготовиться Иосифу Евгеньевичу.

Великая Н.М.: Я уже не буду тоже занимать ваше внимание, в связи с тем, что многое было озвучено. Вместе с тем, считаю своим долгом поблагодарить организаторов за организацию этого мероприятия и за такую интересную постановку вопроса, потому что уже при обсуждении мы выявили, что у нас огромное количество вопросов и к методикам,

и к методологии проведения исследований в плане изучения методов. И если мы говорим о неравенствах в самом широком контексте, и раз уж мы на конгрессе политологов, то мне, наверное, было бы интересно порассуждать не только на тему, как общество ощущает это неравенство, но и то, каким образом это неравенство и вопросы этого неравенства отражены в общественном, публичном дискурсе и особенно, как эта тема находит свое отражение в дискурсе политическом. И здесь, комментируя, тоже считаю нужным прокомментировать выступление предыдущего докладчика, скажу, что лучше бы представители нашей власти не знали о некоторых оптимистических выводах, потому что, мне кажется, если сейчас там услышат, что вопрос только в процессуальном понимании справедливости актуализировался в нашем обществе, то тогда уж точно наша власть забудет о необходимости даже обсуждения вопросов о прогрессивной ставке налогообложения. И я, конечно, не рассматривала, конечно, не рассматриваю неравенство только в контексте экономического неравенства и доходов, но, тем не менее, скажу, что общественное мнение, я здесь привожу данные Центра стратегических исследований института социально-политических исследований академии наук, где сейчас тоже работаю, мы видим, что актуализируется и растет, по-прежнему, ощущение несправедливости в области доходов – это рост противоречий между бедными и богатыми. Это ощущение несправедливости в отношениях между, так называемыми, низшими классами и высшими классами. И, конечно, мы видим рост вот этой красненького, желтенького графика, внизу оранжевый, не очень видно, между народом и властью. И вот неравенство в этом контексте, мне кажется, оно тоже нуждается в дополнительном изучении, но, скажем так, максимальное количество мемов в нашем публичном пространстве было связано в последние несколько месяцев с высказываниями представителя власти о том, что лучше бы есть пирожные вместо хлеба, да, и этих высказываний было несчетное количество, что, конечно, нам демонстрирует действительно наличие этого странного, неожиданного в современном информационном обществе разрыва между, условно, элитой и условной массой, условно, народ. Помимо этого, что еще важно сказать, что вот где та критическая точка, когда восприятие неравенства, как несправедливого, переходит в плоскость активизации социального протеста. На этот вопрос у нас тоже ответа нет, хотя попытки, конечно, были даже сегодня, но я, в отличие, опять-таки, от многих коллег и обладая эмпирическими данными, скажу, что, скорее, пессимистична, потому что наши данные, они не демонстрируют нам роста протестного потенциала и протестной активности. Более того, по вопросу ценностей я тоже бы сказала, оперируя не только нашими данными, но и данными European Social Science, (по-английски название 01,46,57), что, по-прежнему, мы находимся вот в такой зоне, когда мы видим воспроизводство ценностей от старшего поколения к младшему поколению и что-то там было спорно, тоже по поводу... А, и, конечно, переходы на постматериалистические ценности в России быть, в принципе, не может, потому что многие материалистические потребности, они, в принципе, не удовлетворены. И Юлия приводила пример, что у них вот эта граница бедности, как они, условно, ее определяют, стоит 15 тысяч рублей. На днях, вчера, позавчера вышел рейтинг РИА-Новости, где говорилось о том, что каждый пятый работник в России получает зарплату ниже 15 тысяч рублей, а вот уровень счастья выше 100 тысяч рублей, да, у нас имеют только 4% работающих людей. Вот мы видим, с одной стороны, объективные критерии, объективные индикаторы неравенства, а с другой стороны, давайте поищем рефлексию этого неравенства в политическом и общественном дискурсе. И если с аналитикой у нас, слава

богу, все в порядке, с прогнозами, как мы видели тоже сегодня, более-менее неплохо, то вот перевести замечательные идеи на уровень принятия политических решений очень сложно и здесь, мне кажется, политологическое сообщество тоже могло бы поактивнее работать. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Сразу напрашивается анонс мероприятий нашей следующей Грушинской конференции в марте следующего года, как раз мы будем обсуждать разные проявления социальной инженерии, о том, как аналитика может превращаться в политические и другие решения. А теперь, Иосиф Евгеньевич, вам слово.

Дискин И.Е.: Уважаемые коллеги, я как Чацкий шел в комнату, попал в другую. Попали на научный совет ВЦИОМа, а попал на политологическую конференцию. Значит, но, тем не менее, я все-таки как шел на научный совет ВЦИОМа, так в нем желал бы и остаться. Мы выслушали совершенно образцовый доклад Леонида Марковича, который сделан так, как принято делать в высококлассном экономическом сообществе. Вот абсолютно образцовый и в этом смысле методологический, только надо понять, что же лежало в основе всей той теоретической базы, на основе которой формировался весь тот дискурс представлений о неравенстве и бедности. Представлялось, что существует достаточно прочная рефлексия социально-экономических интересов, о чем последующие докладчики тут выступали. Является ли это теоретической, достаточной теоретической основой сегодняшнего дня? На мой взгляд, нет. Что же произошло за последние 50 лет. За последние 50 лет, у нас только недавно, а на западе произошла фундаментальная расклейка социально-экономических интересов и ценностных ориентаций. Длительное время существовали институты, которые систематически обеспечивали интеграцию интересов и ценностей. Желающие могут почитать (неразборчиво 1,51,20), там про это подробно рассказано, это действовала система и на этой системе возник, во-первых, марксизм, который потом в конце 19 века пытались откорректировать, объединив представления Маркса об интересах и представлений о Веберовских ценностях, но при этом, еще раз, существовала институциональная среда, которая обеспечивала такую интеграцию. После 68-ого года на западе и у нас за последние 15 лет произошла фундаментальная расклейка, ценности стали жить своей собственной жизнью вполне себе отдельно от социально-экономических интересов. Третий путь – это вот про это. Вот просто все желающие берут в руки классика теоретической социологии, и читают про то, как ценности, интересы перестают быть доминирующими, можно выстраивать другую политику. Теперь к нам. В этих условиях, когда ценности стали разъезжаться с экономическими интересами, это первый, кто на это обратил внимание, был Игорь Задорин. Я хочу напомнить, что он говорил: «Первый запрос от государства – забота», это вовсе не патернализм. На самом деле, патерналистские ожидания, забота государства, ожидание поддержки со стороны государства уже лет десять не являются доминирующими, это во ВЦИОМе подробно, долго, долго на эту тему показывали, да, и в ФОМе тоже. Что же, тем не менее, мы видим, что в последнее время и здесь я очень согласен с констатацией, которую говорил коллега Дмитриев, не с выводами, что произошел существенный поворот в массовом сознании, он требует все-таки теоретического объяснения. Мы видим, как с 14-ого года резко выросло значение трех ценностей: патриотизм, свобода и справедливость. Это просто вот по всем, вот это консенсус, это то, чего у Левады, в ФОМе, у нас. И, вдруг, резко произошел рост. Что же произошло? Произошло не обращение рациональное к ценностям свободы,

самореализации, произошло самое неприятное, произошло оскорбление нравственных чувств россиян высокозначимых их ценностей. Они полагают, что власть, которая способна откликнуться на призыв патриотический, на заявления о решении многих проблем, проигнорировала их высокозначимый нравственный запрос. Желая посмотреть на аналог этого, достаточно просто включить телевизор и посмотреть Париж, абсолютно аналогичная ситуация. Это не рациональная рефлексия, с которой вполне себе можно было бы взаимодействовать, это глубоко уязвленное ощущение того, что власть плевала на нравственные представления россиян и нравственные представления французов. Там же с чего, мы чужие. Периферия. Я хочу еще привести один пример такой же нравственной реакции, которая произошла два года назад и один месяц, Соединенные Штаты Америки, когда христианское белое большинство отреагировало на оскорбление, на длящееся длительное время оскорбление нравственных чувств этого самого сообщества. Поэтому ответ, это не всплеск, это вещи... Тут нам говорили о психологической травме, вот это она самая и есть – глубокое оскорбление нравственного чувства, с которым... Все говорят: «Куда делся патриотический подъем?». Отвечаю: Он превратился в резко возросшую требовательность к властям всех уровней. И теперь нравственные измерения власти, действий власти, становится одним из доминирующих показателем во всем происходящем в нашей политике. Но при этом, есть ли условия для социального взрыва? Думаю, что нет. Но я хочу только напомнить, что социальный взрыв – это еще не самый худший выход в общественном развитии. Гораздо больше худший выход – это общественное гниение, когда общество, его активная часть полагает, что ничего не будет меняться и надо реализовывать, искать альтернативные пути решения своих собственных проблем. Они есть на низовом уровне, сегодня там говорили о социально-ориентированных НКО, да, на низовом уровне идет огромная много десятков миллионов активность по решению проблем местных сообществ, уход там за садиками, лесами, за заборами и так далее, осознанно не политическая, осознанно, активная часть общества вполне себе выходит, (неразборчиво 1,58,10) ваш покорный слуга был помимо своей воли вовлечен в ее подготовку, прошу не рассматривать как измену. Там про это много чего рассказывали. Но при этом вопрос о политически активной части общества, как поведет себя. Если оно почувствует диалог под тезисом, вот Егор Семенович Строев, который работал, главное уважительность. Вот в России ничего так не ценится, как уважительное отношение и стремление к взаимопониманию, именно поэтому на том мероприятии, где Юля оказала нам поддержку, была выработана позиция: взаимно ответственное партнерство гражданского общества и государства. Только, к сожалению, нет партнера со стороны гражданского общества, но нет партнера со стороны государства. Слепой и глухие. Второй тезис – понимающее государство. Все знают, что я как бы либертарианец давний и последовательный, поэтому идея понимающей социологии трансформировалась в концепцию понимающего государства, которая крайне внимательно следит за тем, как бы не задеть фундаментальные базовые чувства россиян, это красные флажки, за которыми начинается... мы проголосовали... Вы поймите, когда говорят, что общество не политизировано, оно что делает, говорит: «Да наплевать мне на голосование, я на голосовании не решаю свои проблемы, я говорю вам, кто вы есть». И мы это видели в целом ряде регионов. Это нерациональное решение собственных проблем, аффектированная реакция... вот до меня был Булат Шалвович Окуджава, все сказал: «А гибнут царства от того и тем более, тем дольше, что люди царства

своего не уважают больше». Спасибо. Или какие-то вопросы будут по мою душу? Нет. Замечательно.

Ведущий: Спасибо. Вопросов нет. Олег Витальевич подготовил ответ на то, как вообще наше психологическое состояние, в общем, и в целом...

Олег Витальевич: Спасибо большое. Я, конечно, не готовил какую-то специальную речь. Мне кажется, просто сама постановка вопроса неравенства, она, конечно, очевидно здесь для всех, что она не то, чтобы искусственная, но она должна иметь, как сказать, правильное целеполагание, то есть ничего в природе того, что живое, движется, оно не бывает равномерное и абсолютно равное. То есть река течет, потому что есть перепады высоты, течение в океане, потому что... Если не будет никакого неравенства, не будет движения, не будет развития. Все там...

Дискин И.Е.: Мотивация в результате этого неравенства, в этом проблема.

Олег Витальевич: Да, конечно. Ну, вот как к этому относиться, как относиться к течению, к сквозняку, насколько оно сильное или слабое, наверное, это социологи умеют разбираться, умеют диагностировать. То, что был вопрос по поводу того, как медицина относится. Мне кажется, что, конечно, при опросах, на мой взгляд, я сугубо личное мнение говорю, может, кто-то не согласится, мне кажется, что в опросы попадают люди так же разные. Понятно, что не только независимо от выдержанности методологии, с точки зрения социолога, в эти опросные списки попадают люди с разным уровнем здоровья, в том числе с разным уровнем психического здоровья, это не значит, что они больные в плане судебного или социально неполноценной, но дело в том, что даже если у вас разный уровень здоровья, у вас разные потребности, у вас разный взгляд на будущее, разный взгляд на то, что хочется и то, что не хочется, то же самое касается, тем более, психического здоровья. И ожидание, когда человек не изобрел Google, не делает чего-то такое, что он делал десять лет назад, скажем, в десять раз эффективнее, то же самое. Например, он водитель такси, но он может быть недоволен. Почему недоволен? Кто его знает, он хочет жить как Абрамович. А почему, он не может объяснить, не хочет, не может объяснить. Вот, собственно говоря, мне кажется, здесь проблема, конечно, социологическая, она соприкасается с общественным здоровьем, наверное, это направление перспективное. Просто хотел обратить внимание. Спасибо.

Ведущий: Спасибо большое.

Григорьев Л.М.: Поскольку дискуссия ушла уже от меня, я хочу сделать только одну такую (неразборчиво 2,03,35), потому что, чтобы не осталось путаницы. Экономический рост в мире огромный и хвосты подтянули, абсолютно равенство удалось сократить в основном за счет Китая и Индии, хотя сейчас нарожали опять, нарожали бедные и снова полтора миллиарда в мире нищих без воды, без электричества. В России, конечно, был огромный экономический рост и, конечно, подтянули бедных и, конечно, проблемы бедности – вот это проблема абсолютной бедности. Но что значит абсолютной бедности – это по критерию каждой эпохи. В (неразборчиво 02,04,18) то есть страна, у которой 500 долларов ВВП, теперь 1,9 долларов в день подняли. Конечно, по нынешним критериям наши бедные чуть выше выглядят, чем они были в 90-х и так далее. Нет вот этого, я не занимаюсь бедными, бедностью занимается (неразборчиво 02,04,35), другие социологи, я занимаюсь богатыми. Но то, что я показывал, это устойчивость относительного неравенства, относительного неравенства. И что бы это могло значить, что это значит в

экономике. Я могу читать просто специальную лекцию, как вот это неравенство себя показало по квинтелям влияет на слишком медленный выход из этого кризиса, здесь просто вообще без проблем, это просто идет вот на уровне нормальных теорем, это не требуют вообще никаких опросов, просто нормально, нормальная наука. Поэтому я вам предлагаю только, посмотрите, я не верю, я не верю, что люди, у которых есть, вот эти 20-30, пусть 30% населения сверху, это, примерно, совпадает, у которых есть действительно свобода материальная. Вы знаете, сколько людей за последние три года летало в России? 29%. А вообще все вот это – это 30%, за границу то же самое. Вот это все очень локально. Полеты на самолетах, количество пассажиров коррелируется с номинальным доходом. Количество людей, едущих на поездах, коррелируется с реальным доходом и это вот так, это совершенно две разные штуки и так далее. С экономикой там все в порядке, вы не волнуйтесь. Вы посмотрите, можете ли вы это использовать для политологии, потому что я не верю, что на все эти вопросы отвечают одинаково и те, и другие. По отношению к Путину любовь может идти, на здоровычко, любят, но вот есть же миллионы других вещей, поэтому то, что я говорил – это устойчивость относительного неравенства и они его все понимают, и не только по соседу, это гораздо фундаментальная вещь. И если определенный слой общества считает, что он здесь живет, ему здесь нравится, но на всякий случай, он половину капитала выведет и ребенка отправит в Англию и к этому ребенку, как вы говорите, независимая фирма и частный капитал. В городе полно людей, которые пашут, а эти все дети за границей, они на них работают, а в бизнесе с выводом капитала. Если у вас эта ситуация, то она здесь сверху сидит, так вы и спрашивайте. У вас же нет тут вопросов: Ты любишь президента? – Люблю. – А капитал вывел? – Да. – А весь вывел? – Нет, только половину.

Ведущий: Алексей, продолжите, пожалуйста, дискуссию потом, кулуарно. Если есть реплика...

Алексей: Я просто спросил американский опыт как модель выравнивания каких-то социальных дисбалансов.

Григорьев Л.М.: Надо было принести статью о Швеции, где большое неравенство, доходы огромные, огромное неравенство.

Ведущий: Начинается очередное мероприятие. Есть несколько коллег, которые записались, но, к сожалению, очень мало времени. Если вы настаиваете, если вы просите, то, конечно, мы вам дадим слово, но только в режиме реплики, к сожалению, с выступлением, с докладом у нас не получится.

Зимовина Е.: Можно я вставлю реплику. Я представляю Вологодский научный центр Зимовина Елена. Мы проводили исследование как раз в регионе социального измерения категорий населения, там есть и про локус контроля, там есть и про взаимоотношения, надежды какие питают и запросы государству этих категорий, поэтому мы оставляем здесь свою книгу. Пожалуйста, если вам интересно что-то, что именно носит региональный характер, посмотреть какие-то данные там, пожалуйста, обращайтесь. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. К сожалению, мы заканчиваем. Но, тем не менее, на мой взгляд, у нас коммуникация удалась, определённое взаимопроникновение идей произошло. Следующая наша встреча на Гайдаровском форуме 17-19 января, мы в том или ином, изменённом формате продолжим.

Мужчина: А на какую тему круглый стол будет собираться?

Ведущий: Там будет у нас мероприятие с рабочим названием: усложнение социальной структуры общества и политические риски... И вот 17-19, в какой из этих дней будет точно наша площадка, сказать пока рано, пока не может, поэтому ориентируйтесь, следите за анонсами, постарайтесь попасть на это мероприятие. Спасибо коллеги, до новых встреч.